Рецензия
УДК 264
https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_228

К. Кончаревич

Рецензия на книгу: Октоих. Избранные песнопения на русском и церковнославянском языках

Перевод свящ. Георгия Кочеткова, З. М. Дашевской, П. С. Озерского, Я. Р. Пантуевой. Москва : Свято-Филаретовский институт, 2023. 128 с.

Ксения Кончаревич
Белградский государственный университет, Белград, Сербия, kkoncar@mts.rs

для цитирования: Кончаревич К. Рецензия на книгу: Октоих. Избранные песнопения на русском и церковнославянском языках / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, З. М. Дашевской, П. С. Озерского, Я. Р. Пантуевой. Москва : Свято-Филаретовский институт, 2023. 128 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 48. С. 228–237. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_228.

K. Koncarevic

Book review: Oktoikh. Selected Hymns in Russian and Church Slavonic

Translated by Fr. Georgy Kochetkov, Z. M. Dashevskaya, P. S. Ozersky, Ya. R. Pantueva. Moscow : SFI Publ., 2023. 128 p.

© Кончаревич К., 2023

Ksenija Koncarevic
University of Belgrade, Belgrade, Serbia, kkoncar@mts.rs

FOR CITATION: Koncarevic K. (2023). "Book review: Oktoikh. Selected Hymns in Russian and Church Slavonic. Translated by Fr. Georgy Kochetkov, Z. M. Dashevskaya, P. S. Ozersky, Ya. R. Pantueva. Moscow : SFI Publ., 2023. 128 p.". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, v. 48, pp. 228–237. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_228.

В филологии ареала Pax Slavia Orthodoxa на всем протяжении ее истории отчетливо прослеживаются две линии развития традиции — созидание нового и защита (упрочение) созданного. Начало традиции — это всегда «строительство» по преимуществу. Таким был Кирилло-Мефодиевский период славянской письменности, когда создаются славянские азбуки, переводы и сочинения первоучителей и их последователей, когда древнецерковнославянский язык получает статус литургического языка, несмотря на отчаянное сопротивление поборников «триязычной догмы» («трехъязычной ереси»), тогдашних «ревнителей» неприкосновенности еврейского, греческого и латинского языков как языков сакральных. За эпохой «строительства» последовала эпоха «ревности»: архаизирующая реформа патриарха болгарского Евфимия Тырновского (XIV в.), исправление богослужебных книг при Киевском митрополите Киприане (конец XIV в.). Следующий этап — новаторский: создание Геннадиевской Библии (1499), за которой последовали первопечатная Острожская (1581), Московская (1663), Петровско-Елизаветинская Библия (1851), а также создание первых букварей, грамматик, словарей церковнославянского языка (XVI–XVII вв.); потом снова рост консерватизма, достигший своей вершины в эпоху «Никоновой справы» (сер. XVII в.) и приведший к расколу в Русской церкви. Новаторские тенденции, систематически подавляемые на протяжении XIX в. (запреты работ над русскими библейскими переводами, вследствие чего полная русская Библия увидела свет лишь в 1876 г. — позже болгарской и сербской), оживают с 1905 г. (подготовка к Поместному собору Православной российской церкви) и достигают вершины на самом Соборе, который принимает решения о возможности введения русского (и украинского) языка в богослужение, о допустимости нового литургического творчества, об изменениях

церковнославянской нормы и соответствующей правке богослужебных книг. Все это дает вполне ощутимые результаты в издании исправленных богослужебных книг с новоцерковнославянской нормой и приводит к появлению новых служб и чинов. В неблагоприятных политических условиях (упрочение идеологической диктатуры, гонения на церковь), с 1930-х гг. новаторские тенденции опять стали расцениваться как церковное диссидентство, своего рода протестантизм или политическая неблагонадежность, вероятно, вследствие скомпроментированности организации «Живая Церковь», действовавшей на протяжении 1920-х гг. Перестройка и либерализация советского общества, получение свободы церкви (1988), распад СССР (1991) и вдруг возникшая идеологическая пустота приводят к активизации религиозной жизни. Еще в 1990-е гг., видимо под влиянием «императива миссии» (выражение о. Александра Шмемана) в новых условиях, когда десятки и сотни тысяч новообращенных требовали адекватного пастырского окормления, начинается деятельность Сретенско-Преображенского братства во главе с о. Георгием Кочетковым, одной из основных задач которого явилась работа над переводами литургических текстов на русский язык и совершение богослужений на современном русском литературно-литургическом языке. Деятельность о. Георгия в те годы поддерживали выдающиеся российские и зарубежные интеллигенты, такие как С. С. Аверинцев и Н. А. Струве. Однако гораздо более сильное влияние не только на массовое сознание верующих, но и на позицию российских архиереев оказывали «ревнители», своего рода «православные фундаменталисты», критиковавшие патриарха и епископат за экуменизм и либерализм, за ограничения в использовании церковнославянского языка и недопустимую «русификацию» богослужения. Несмотря на появление ряда серьезных исследований российских богословов и филологов, выступающих за литургическое возрождение в Русской церкви, включая и обеспечение доступности смысла богослужения современным верующим, далеким от церковнославянской старины, позиции архаистов остаются прежними:

Отказ от церковнославянского языка, — языка православного богослужения и книжности, сформировавшего наш народ как нацию, неизбежно привело бы к тому, что мы потеряли бы самих себя и утратили объединяющую нас духовную силу. Но пока незыблем язык церковнославянский, — ничего

с народом не будет. Тронут — быстрый крах. Ибо церковнославянский язык — это фундамент, на котором зиждется здание нашей духовности, культуры, традиций, нашей национальной сущности, —

утверждает редакция сайта «Благодатный Огонь» сразу в нескольких своих публикациях последних лет [1].

С другой стороны, «Клуб ревнителей литургического возрождения» 6 сентября 2019 г. в обращении к святейшему патриарху Московскому и всея Руси выдвинул вполне приемлемые доводы в пользу необходимости перевода богослужения на русский язык, основанные на анализе реальных проблем, возникающих у верующих, стремящихся к сознательному участию в богослужении, из-за языкового барьера:

Богослужебный язык сегодня для многих, к сожалению, становится препятствием и к тому, чтобы церковная традиция открывалась и воспринималась как своя и живая. Было неоднократно опытно проверено, что современные прихожане в среднем адекватно понимают только совсем небольшую часть богослужебного материала. В связи с обманчивым лексическим сходством русского и церковнославянского языков, многие лишь приблизительно или вовсе превратно понимают то, что читается и поется в Церкви.

Пусть же у всех будет возможность приходить в храмы Божии и сознательно молиться, слышать и понимать Слово Божие: и для тех, кто по каким-то причинам не может освоить церковнославянский язык, и для тех, кто хочет молиться на родном языке, на котором мы говорим и думаем, чтобы тем самым преодолевать раздвоенность жизни и молитвы. Ведь это так естественно, чтобы язык молитвы, проповеди, христианского научения и общения был одним языком! [*Благословите*].

В полемике сегодняшних архаистов и новаторов нередко забывается опыт других поместных православных церквей, в которых литургические переводы на современные национальные языки отнюдь не привели к гибельным последствиям — утрате духовной и национальной идентичности, раздорам, расколам. Ничего подобного! Ведь переводческой работой занимались не какие-то докучливые эксцентрики, а выдающиеся архиереи, иеромонахи, священники с большим опытом духовной жизни, с одной стороны, и пастырского окормления верующих, с другой. Яркий пример тому — творчество прп. Иустина Нового Серб-

1. См., напр.: [*Рецидив неообновленчества*].

ского (архим. Иустина (Поповича)). Свою переводческую деятельность (а переводил он и святоотеческие творения, памятники агиографии, монашеские уставы и т. п.) Попович начинает с первого в сербской среде полного перевода Литургии свт. Иоанна Златоуста (Белград, 1922), за которым последовали и другие богослужебные книги: «Велики требник» (1958, машинопись, которая распространялась по монастырям и приходам, вплоть до печатной публикации 1993 г.); «Служебник на српском језику» (Манастир Крка, 1967, машинопись — перевод был сделан еще в 1922 г.); «Божанствене Литургије» (Београд, 1978); «Мали молитвеник» (Ваљево, 1982); «Молитвеник — Каноник» (Ваљево, 1991). Попович перевел также целый ряд акафистов, канонов и молитв (так, акафисты в его переводе объединены в кн. 5 «Полного собрания сочинений», Белград, 1999 [*Иустин (Попович)*]). О методологическом подходе Поповича и его взглядах на проблему перевода богослужебного текста существенные выводы можно сделать и на основании его послесловия к сборнику «Божанствене Литургије» (1978), где, между прочим, подчеркивается:

> Литургический язык — всегда язык евангельский, псаломский, молитвенный, вдохновленный Духом Святым, язык богослужения и восславления Бога, которым освящается и посвящается и народный язык. ...Да, живой народный язык освящается богослужебным, литургическим употреблением [*Божанствене Литургије, 228*].

При работе над переводами прп. Иустин, как следует из «Послесловия», учитывал и древнее литургическое предание, и «современную соборную вселенскую практику православных церквей». В диахроническом подходе он опирался на рукописные служебники — русские и сербские — в доступных ему научных изданиях древних литургических рукописей, а также на печатные служебники, преимущественно сербские. При работе над переводами, в целях раскрытия «древнего литургического предания», Попович обращался и к святоотеческим толкованиям. Сегодняшнюю практику поместных церквей он рассматривал на основании современных служебников, опираясь, между прочим, и на переводы богослужебных текстов на новогреческий, русский, болгарский, немецкий языки. Духовные чада о. Иустина, ставшие впоследствии выдающимися архиереями Сербской православной церкви, — митр. Амфилохий (Радович), еп. Афанасий (Евтич), еп. Ириней (Булович) и др. — довели задуманную им (и многи-

ми его предшественниками) идею о литургическом возрождении до воплощения, а важным элементом этой идеи стало внедрение сербского языка в богослужение (на сербский язык переведен почти весь корпус богослужебных книг).

Но вернемся к ситуации в России. За минувшие десятилетия (еще с 1970-х гг.) профессором свящ. Георгием Кочетковым и его сотрудниками проделана огромная переводческая работа. На сегодняшний день Свято-Филаретовским институтом выпущено уже 8 томов «Православного богослужения на русском языке». В предисловии к «Октоиху», вышедшему в 2023 г., подчеркиваются мотивы, побудившие переводчиков к такому трудоемкому делу:

> Соборная молитва церкви как народа Божьего предполагает соучастие всех членов церковного собрания в общем служении, однако из-за сложности восприятия церковнославянского языка, в особенности на слух, богословская глубина и поэтическая красота православных богослужебных текстов зачастую остаются недоступными для молящихся. Гимнографическое творчество в лучших своих образцах, наряду с евхологическим наследием, является плодом Богопознания и выражением подлинного церковного Предания... В период упадка огласительной практики именно церковная гимнография становится едва ли не единственным способом передачи живой православной традиции, одним из основных средств церковного научения, своеобразным катехизисом в поэтической форме. <…> ...Церковная гимнография, будучи одной из форм обращения к Богу, может звучать на родном для молящихся языке, не утратив своего смысла, поэтической образности и глубины (с. 4–5).

Настоящее издание продолжает серию переводов православного богослужения на русский язык, осуществленных в СФИ. Авторы перевода «Октоиха» (с параллельным текстом на церковнославянском языке) использовали филологический и лингвистический инструментарий и опирались на данные современной литургической науки, стремясь сохранить богословскую адекватность гимнографического текста и выявляя его диалогическое взаимодействие с текстами Священного писания и гомилетическим наследием. О методологическом подходе авторского коллектива в предисловии читаем:

> Богатство выразительных средств русского языка позволяет сохранить смысловую многослойность исходного текста, передать уникальный синтез богословской мысли и поэтической формы. Чтобы сохранить богословскую

точность и адекватность гимнографического текста, его полифоничность и поэтический строй, переводчикам требовалось учитывать разнообразные контексты — исторический, культурный, филологический и литургический.

Используя богатую лексику, образность, гибкий синтаксис родного языка и учитывая особенности фонетической и лексической сочетаемости слов, переводчики стремились сохранить смысловое единство как целостных объемов текста, так и отдельных словосочетаний и фраз. При выполнении перевода авторы старались строго следовать содержанию оригинала, не привнося в него произвольных интерпретаций и комментирующих добавлений и в то же время учитывая разнообразие редакций текста, появившихся в результате перевода греческих текстов на церковнославянский язык (с. 5–6).

Публикацию переводов основного корпуса гимнографических текстов открывают воскресные службы Октоиха. Вследствие значительного объема гимнографического материала перевод элементов богослужения выполнен выборочно; при выборе отдельных элементов каждой воскресной службы составители исходили из возможности разумного сокращения богослужения, при котором в значительном объеме гимнографии можно вычленить тексты, наиболее значимые в богословском, историко-литургическом и поэтическом отношении. По мнению переводчиков, на начальном этапе достаточно иметь в переводе на русский язык стихиры на «Господи, взываю», на стихах, на «Хвалите», эксапостиларии и евангельские стихиры, а также тропари, кондаки и степенны, которые легко петь всенародно. Наиболее значимый библейский материал воскресных служб Октоиха (прокимны, аллилуарии и др.) также был приведен в соответствие с лучшими современными переводами Священного писания на русский язык. Литургический материал в издании расположен в соответствии с тем порядком, который зафиксирован в церковнославянском Октоихе.

В рецензируемом, как и в других изданиях переводов литургических текстов, опубликованных СФИ, применяется идиоматический прием передачи смысла подлинника естественными средствами русского языка, с учетом смысловой и динамической адекватности перевода исходному тексту. Поэтому нет искусственных, столь характерных для церковнославянских сакральных текстов, переводческих решений в плане синтаксиса (калькирование греческого порядка слов в предложении), грамматических категорий (абсолютный дательный, винительный

с инфинитивом), пунктуации, и особенно в плане отбора лексического материала (для церковнославянского текста характерно обилие лексем, семантика которых непрозрачна с точки зрения рядового носителя русского языка, более того, рецепцию затрудняет ряд церковнославянско-русских межъязыковых омонимов и паронимов). В работе над настоящим изданием переводчики использовали не только ряд критических изданий на греческом языке, но и переводы на русский язык, выполненные Е. И. Ловягиным (1910), Н. Нахимовым (1912) [2], свящ. Василием Адаменко (1926). В результате получился удачный идиоматический перевод, в котором до реципиентов вполне доведен смысл исходного текста, с использованием грамматических и лексических форм переводящего языка. Посмотрим, как естественно, как понятно звучат тропарь воскресный, Богородичен и догматик первого гласа на русском языке:

Тропарь воскресный (*Камени запечатану от иудей...*)
Когда камнем завален и опечатан был вход/ и воины стерегли непорочное тело Твоё,/ Ты, Спаситель, в третий день восстал,/ дару́я миру Жизнь./ Посему силы небесные восклицали Тебе, Податель Жизни:/ «Слава Воскресению Твоему, о Христос!/ Слава царствию Твоему!// Слава промыслу Твоему, один столь человеколюбивый!» (с. 16).

Богородичен (*Гавришлу вещавшу тебе...*)
Когда Гавриил восклицал тебе, Дева: Радуйся! —/ с этим возгласом воплощался Владыка всего/ в тебе, святом ковчеге,/ как изрёк праведный Давид./ Явилась ты пространнее небес,/ нося во чреве Создателя своего!/ Слава Обитавшему в тебе,/ слава Родившемуся от тебя,// слава Воплотившемуся от тебя — и Освободившему нас! (с. 18).

Догматик (*Всемирную славу...*)
Ту, что весь мир прославляет,/ от людей рождённую/ и Владыку родившую,/ врата небесные — Марию Деву воспоём!/ О ней — песнь бесплотных сил, она — верных украшение,/ ведь она стала небом и храмом Божества./ Она разру́шила сте́ну вражды,/ мир установила и Царство открыла./ Итак, она — наш якорь веры,/ и наш Защитник — рождённый ею Господь./ Дерзай же, дерзай, Божий народ,/ ведь Он Сам победит врагов,// ибо Он всесилен (с. 15–16).

2. Николай Чеславович Зайончковский (1859–1920), псевдоним Николай Нахимов.

Отметим, что параллельная публикация русского с «привычным» (но для большинства верующих малопонятным) церковнославянским текстом поможет заинтересованному читателю постепенно овладевать традиционным языком богослужения, устранять ошибки в его понимании, вызванные искусственной межъязыковой аналогией или же элементарным незнанием. Однако миссия Церкви подразумевает не усвоение традиционного, архаичного литургического языка (идея сакрального языка, «благодатного» и «спасительного» самого по себе, глубоко чужда Православию), а понимание и переживание богослужения во всей его полноте и, что самое важное, активное участие каждого верующего в нем.

Перевод и подготовка песнопений воскресных служб Октоиха к изданию осуществлены в рамках научного переводческого проекта, которым руководит профессор свящ. Георгий Кочетков, при участии группы коллег-переводчиков, литургистов и регентов хоров, преподавателей и сотрудников Свято-Филаретовского института.

Несомненно, выход в свет настоящего издания лишний раз подтвердил, что истинная верность Преданию Церкви означает приоритет миссионерских задач над архаичной языковой формой хранения Предания.

Хочется надеяться, что в обозримое время появится и перевод на русском языке воскресных служб Октоиха в полном объеме.

Литература / References

1. *Благословите* = Благословите богослужение на русском языке в Русской Православной Церкви // Клуб ревнителей литургического возрождения.
"Bless the service in Russian in the Russian Orthodox Church", Club of Zealots for Liturgical Revival, available at: https://vk.com/wall-170077001_7634 (01.11.2023) (in Russian).

2. *Божанствене Литургије* = Божанствене Литургије / Прев. Јустин Поповић, св. Београд : Манастир Ћелије, 1978. 232 с.
Divine Liturgy, transl. Justin Popović, St. Belgrade : Manastir Ćelije, 1978 (in Serbian).

3. *Рецидив неообновленчества* = Рецидив неообновленчества // Благодатный огонь.
"Relapse of neo-renewal", Holy Fire, available at: https://blagogon.ru/biblio/993/ (01.11.2023) (in Russian).

4. *Иустин (Попович)* = Јустин (Поповић), прп. Сабрана дела Светог Јустина Новог у 30 књига. Књига 5: Акатисти. Београд :Манастир Ћелије код Ваљева, 1999. 397 с.

Justine (Popovic), St. (1999). Collected works of St. Justin : In 30 p., p. 5 : The Akathists. Belgrade : The Ćelije Monastery (in Serbian).

Информация об авторе

К. Кончаревич, д-р филол. наук, кафедра славистики филологического факультета Белградского государственного университета.

Information about the author

K. Koncarevic, Ph. D. (Philology), Department of Slavic Studies, Faculty of Philology University of Belgrade.

Рецензия поступила в редакцию 11.11.2023; принята к публикации 14.11.2023.